

не оправдано. Читатель не может получить достаточно ясного представления о происхождении чудского населения края, о связи культур раннего железа с культурами эпохи бронзы и неолита, наконец, о времени заселения края человеком. Лишь в отдельных случаях автор указывает, что городецкий слой лежит на неолитическом (например, стр. 34). Думается, было бы полезно дать краткое введение к книге, где выяснились бы эти вопросы. Ограничение изложения XIII веком также не всегда благоприятно сказывается на содержании книги. Так, характеристика Коломны ограничена материалами XII—XIII вв. (стр. 238) и тем самым обеднена. Но в ряде случаев автор, с нашей точки зрения, вполне правильно включает в свою работу и материалы XIV—XVII вв. (например, по Переяславлю Рязанскому). Есть и археологическая карта славянских памятников, доведенная до XVI в. Можно надеяться, что дальнейшие исследования Переяславля Рязанского и других памятников эпохи позднего средневековья покажут большое значение археологических материалов для характеристики этого периода истории Рязанской земли.

Нужно особо отметить, что книга отлично издана (это, к сожалению, далеко не всегда можно сказать о нашей научной литературе). Оформление ее оригинально и интересно.

Работа А. Л. Монгайта «Рязанская земля» представляет собой фундаментальное археологическое исследование по важному вопросу истории нашей Родины. Она интересна не только специалистам — этнографам и археологам, но и гораздо более широкому кругу читателей.

М. Рабинович

*Былины Печоры и Зимнего берега. (Новые записи).* Ответственный редактор А. М. Астахова, М.—Л., 1961, 606 стр.

В настоящее время, когда в фольклористике наблюдается явный скепсис в отношении живого бытования русского эпоса, солидный том былин в записях 1934—1956 гг. выпущенный Пушкинским домом, приобретает особое значение. Всего в сборнике свыше 160 текстов былин, записанных от 56 сказителей<sup>1</sup>.

Авторы вводной статьи (А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и Н. К. Митропольская) дают на основании материалов сборника, по существу, описание «позднейшего этапа жизни эпоса» (стр. 33). Отмечая типичные для этого этапа явления: индивидуальную разработку традиционных эпизодов, психологизацию образов, насыщение сюжета бытовыми деталями, воздействие смежных жанров (в особенности сказки) и книги (стр. 33, см. стр. 19), они одновременно подчеркивают жизнеспособность эпической традиции у лучших сказителей, высокую художественность их текстов, которые называют «образцами классического эпического стиля», при лаконизме и стройности изложения (см. стр. 124, 538—539, 562 и др.). Для остальных текстов они считают характерным сохранение традиционной композиции сюжета, даже при известном его упрощении.

В статье говорится об утрате «общих мест» и отказе от троичности, свойственных позднему эпосу (стр. 20), однако как раз «общие места» в текстах сборника даны изумительно полно, а ведь они — наиболее архаичная составная часть в архаичном жанре былин! С летописной образностью описаны в них (особенно в былинах Печоры) вражеская сила, подступившая к Киеву, богатырский поединок, выезд богатыря и пр. Сохранен и величавый зачин о семидесяти устьях Волги, неизменным через века донесен состав данн — с древним счетом «сороками».

Таким образом, тексты рецензируемого сборника, действительно, выдержаны в хорошей традиционной форме, но только если признать несколько условным понятие «классической», «канонической» былины в применении к записям XIX — начала XX в. Налет модернизации в современных записях стал, может быть, несколько сильнее (см. например, стр. 99, 204), забвение — большим, но и в текстах, записанных около ста лет назад в Прионье и Сибири, обычна замена старинной лексики, а значит, и понятий. Это — закономерное явление, и если заглянуть в историю эпоса поглубже, то и там мы найдем эту модернизацию, не воспринимаемую нами просто потому, что и эти «новые» для своего времени, понятия стали теперь архаичной.

Но из пиетета к эпосу, донесенному из седой древности, сказители стараются удержать в памяти устарелые, полузабытые термины, систему счета и пр. Поэтому А. В. Стрелкова, например, в былине о Дунае пела о «версте большемерной», а в ремарках говорила о «метрах» (стр. 425).

В статье отмечено (стр. 21), но не объяснено другое языковое явление — обилие синснимов в былинах. Из приведенных примеров («ездят-гуляют», «боролись-стягались») видно, что дело в основном здесь в борьбе диалекта и литературного языка, и это связано с размытием в наше время былой областной обособленности.

«Забывание» же, о котором много говорится в книге, — назначения жилищ, способов устрелбления оружия, замена имен, перенос места действия и пр., служит несом-

<sup>1</sup> Отметим, что при этом встречались сказители в возрасте 50—30 лет (стр. 32), а не только глубокие старики.

ненным симптомом начавшегося упадка эпической традиции, так как ведет к искажению смысла (см. стр. 54, 81, 264, 272, 321) и др. Утрачивается и смысл окостеневших иносказаний; так, слова Ильи Муромца «Мне на поле смерть не писана, на море не явлена» (стр. 143) показывают, что слово «поле» воспринимается не как место боя, а буквально.

Но не забвению отдельных понятий и даже мотивов, не смешению (очень слабому) сюжетов в былинах сказителей 30—50-х годов нашего века надо удивляться, а потрясющему «чуду народной памяти»<sup>2</sup> — еще звучат, еще не исчезли из культурного наследия русских северян старины, сложенные тысячелетие назад!

Авторы статьи говорят о том, что число сюжетов (по сравнению с началом века) сильно убавилось, — на Печере почти вдвое, доказывая это путем кропотливых, но несколько произвольных (не идентична обследованная территория, различны сроки экспедиций) подсчетов (см. стр. 10, 11, 18, 24—25, 36—38). Они объясняют это отчасти «редким исполнением» былин (стр. 26) и недооценкой эпического наследия местными работниками в области культуры (стр. 29) и приводят конкретные примеры (стр. 30). Такое отношение к эпической поэзии способствует пренебрежению к ней и у одностельчан сказителя. Современные «рапсоды», великолепно владеющие своим мастерством и любящие эпос, вынуждены обычно петь «для себя», в одиночку — и на Печере (см. стр. 14, 22), и на Зимнем берегу (стр. 39, 41), и в Заонежье<sup>3</sup>. Следует напомнить, что некоторым национальным эпосам в СССР повезло больше, — например, «Калевале», «Манасу»; их широко популяризируют.

В статье, биографических заметках, предположенных текстам каждого сказителя, и в комментариях много внимания уделяется связи былевого эпоса со сказками (см. стр. 15, 210, 527—529 и др.) и отчасти — с другими жанрами местного фольклора, а также сообщается вскользь о владении сказителями этими жанрами и о записи от них сказок, песен, колядок, причетов и пр. Приходится лишь сожалеть, что богатый материал, собранный в тех же экспедициях и, значит, синхронный записям былин, так и остается неопубликованным. Как и в других изданиях, в рецензируемом сборнике былины подаются изолированно от других жанров. А ведь в каждом тексте так легко было бы обнаружить не только общность с запасом сюжетов, мотивов, художественных приемов всего местного фольклора, но и прямые включения других жанров!

Сами сказители при исследовании их творчества в пределах только одного жанра — былин приобретают какой-то нереальный, условный облик.

Составители отмечают, что для современного эпоса характерны новообразования, возникающие в творчестве отдельных сказителей, представляющие «сплав сказочных и эпических мотивов» (стр. 551), а также «сплав мотивов разных былин» (стр. 528). Они относят сюда не только индивидуальные попытки (тексты №№ 7, 103), но и локально ограниченные сюжеты (№ 72) или былины, известные в единичных записях (№ 83), что едва ли верно.

Новшество в рецензируемом издании представляет последовательное выявление роли книги, даже определенных изданий былин в репертуаре и творчестве сказителей<sup>4</sup>. Одно за другим следуют признания сказителей и их близких: в доме была такая-то книга былин (см. стр. 33, 42, а также 568); текст усвоен в свое время по такому-то печатному сборнику (стр. 573); собирателям показывали и книги, до сих пор хранящиеся в семье (стр. 468, 546).

Собиратели указывают на свободное и «мастерское» переложение книжного текста многими сказителями и двойственный источник усвоения ими отдельных былин: книгу и устную традицию (стр. 210, 573) и на смешение областных традиций (например, прионежской и печорской, стр. 549 и др.) через книгу. Методически важна мысль о том, что элементы чуждой локальной традиции могут служить признаком влияния книги.

Таким образом, в рецензируемом издании вырисовывается многообразное и существенное воздействие книги на эпическую поэзию Севера. Но совсем ли это новое явление? Русский Север всегда был грамотным. Только в XVII—XVIII вв. место научных изданий и «книжек для народа» занимал лубок и, возможно, рукописные «гистории» о богатырях.

Нельзя все же и преувеличивать роль книжного источника для сказителей. Ведь и усваивать-то былины из книг могут только люди, знакомые с устным их исполнением, напевами, образами.

Экспедиции на Печору и Зимний берег, результатом которых явился рецензируемый сборник, были организованы все «по следам» прежних собирателей. (В 1900-х годах там работали А. В. Марков, Н. Е. Ончуков).

В 1934 г. в Зимней Золотице стал записывать былины В. П. Чужимов. Продолжением предпринятой Гос. Литературным музеем записи колоссального былинного

<sup>2</sup> «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», изд. 5-е, М.—Л., 1949, стр. 54.

<sup>3</sup> Ю. Новиков, Ю. Смирнов, Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956—1959), «Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 164.

<sup>4</sup> Эта проблема занимает, однако, видное место в ряде работ А. М. Астаховой.

репертуара М. С. Крюковой там (1937—1938 гг.) явилась запись Э. Г. Бородиной произведений других жанров от той же Крюковой, как и былины у ее родных и односельчан. На Печоре в 1942 г. работала экспедиция Карело-финского университета, а в 1955—1956 гг. — Пушкинского дома, уже «по следам» не только Ончукова, но и Астаховой, работавшей там в 1929 г. Все эти записи 1934—1956 гг. (кроме записей былины от М. С. Крюковой Чужимовым) и составили содержание сборника. Естественно, что особое внимание в экспедиционной работе, при такой установке, уделено «династиям» сказителей, от которых были сделаны записи в начале века. Частично проводились и повторные записи (см. стр. 18). В семейных «гнездах» сказителей — Чупровы, Поздеевы, Тарбарейские, в Зимней Золотице — Крюковы, Пономаревы, Субботины — были записаны былины, «понятые» от старшего поколения. Однако по книге крайне трудно разобраться в родственных связях сказителей по приводимым отрывочным данным (особенно при обычном для северных деревень обилии однофамильцев). Небольшая генеалогическая таблица значительно упростила бы дело. (Кстати отметим, что было бы целесообразно дать и карту мест, где проводилась запись былины, начиная с 1900-х годов.) В сборнике содержится много драгоценных сведений о семейной традиции, о путях передачи знания былины, но все это еще в значительной степени сырой материал, который должен разрабатываться будущими исследователями (см. стр. 155, 434 и др.).

Ценно, что составители тщательно отмечают отношение современных сказителей к былинам. Излишне было только приводить о них сведения другого рода — «с виду маленький, невзрачный» (стр. 216) или «с огромными мохнатыми бровями» (стр. 180). Обычно, прочтя о себе такое, люди очень обижаются, а к творческому портрету это ничего не прибавляет.

Чрезвычайно интересные записи на Зимнем берегу, опубликованные в сборнике.

Э. Г. Бородиной удалось установить, что, ко времени ее пребывания в Золотице, в семье Крюковых и других известных еще А. В. Маркову сказителей не забыт был еще значительный былинный репертуар. Ею были записаны былины от двух младших дочерей Аграфены Матвеевны Крюковой — Павлы (в замужестве Пахоловой) и Серафимы, а также от дочери Пахоловой — П. В. Негадовой. Особенно внушительным оказался репертуар Павлы — около трех десятков текстов; ее сестра и дочь знали лишь по несколько былины.

Новые золотитские записи, в особенности от П. С. Пахоловой, представляют настолько большой интерес для выяснения традиций одаренной семьи Крюковых, с которой связана целая эпоха изучения эпоса, что требуют специального исследования. Ограничусь здесь несколькими замечаниями. Составители, отмечая близость исполнительской манеры обеих сестер (что можно было бы дополнить рядом черт), указывают, что тексты Павлы отличаются «большей сжатостью и строгостью стиля» (стр. 556). Однако большая лаконичность была свойственна и раннему периоду творчества самой М. С. Крюковой (записи 1934 г.), когда она уже овладела мастерством сказительницы, но еще не «играла» им. Это следовало бы отметить в книге.

Записи 1934—1945 гг. показывают, насколько М. С. Крюкова (о которой в последние годы почти не упоминают как о хранительнице традиционного эпоса, так как она якобы безудержно его модифицирует) была «связана» в хорошем смысле канonom, насколько в русле традиции Зимнего берега были ее былины. Это доказывается не только трактовкой образов, построением сюжета, но и «общими местами» (например, описание женской красоты)<sup>5</sup>. Многое, что считалось индивидуальной особенностью М. С. Крюковой, оказалось характерным для золотитской традиции последних десятилетий (психологизирование с известным налетом сентиментальности, сильная модернизация, переложение книжных произведений и пр.). Возможно, все это — следствие воздействия в прошлом на быт торгово-промышленного села городской стихии, в том числе и «мещанской». Не одинокой оказалась она и в складывании произведений из «общих мест» эпоса (см. выше). Поэтому не следовало бы противопоставлять ей других сказительниц того же поколения, к которым «былины перешли в основном по устной традиции» (стр. 42), и считать, что в Золотице сохранилось лишь 26 сюжетов былины, опять-таки исключая ее репертуар. Нельзя согласиться и с тем, что «безусловно, самым большим достижением собирательских работ по эпосу в Золотице в 30—40-е годы явилась запись былины от Павлы Семеновны Пахоловой» (стр. 40), тем более, что сами составители рассматривают золотитских сказителей как «окружение» М. С. Крюковой (стр. 6). Конечно, первое место по значению для фольклористики остается за полной записью в те же тридцатые годы былинного репертуара от нее самой.

В целом издание выполнено на высоком научном уровне, в отношении и транскрибирования текстов, и научного аппарата — комментариев и ряда тщательно продуманных указателей. Может быть, следовало бы только больше унифицировать умеренную транскрипцию, в которой ощущается все же некоторый разнобой (частично, правда, сглаживаемый составителями — см. об этом стр. 525), что, конечно, естественно в таком пестром собрании текстов.

Комментарии очень насыщены и в них дается много полезных указаний (например, на варианты из тех же мест, печатные или только хранящиеся в архивах), а так-

<sup>5</sup> То же единство наблюдается в ее былинах с эпосом более широкого ареала — Мезени. Недаром старины мезенцев она считала самыми правильными (стр. 42).

же содержится подробная информация об обстоятельствах записи данного текста и т. п. Однако при характеристике текста сюжет все же слишком подробно расчленяется на простейшие мотивы и эпизоды, так что за мелочным сличением их в различных вариантах теряется общая картина областной традиции. Притом исторического обоснования локальной специфики почти нет.

Условия жизни эпоса на Печоре и Зимнем берегу и его особенности в течение последнего шестидесятилетия оказались бы очерченными полнее и четче, если не было бы дублирования вводной статьи с комментариями и биографическими заметками, раздробленной подачи там и здесь и ценных и малозначительных сведений и наблюдений. Так, не суммированы наблюдения составителей над тем, что же объединяет творчество «гнезд» печорских певцов, каково направление эволюции семейной и деревенской или районной исполнительской традиции.

В системе указателей есть досадный пробел, обычный, впрочем, в изданиях последних десятилетий: отсутствует предметный указатель, что крайне затрудняет работу в плане историческом и этнографическом над всеми сборниками этого периода. «Словарь областных и исторических слов» не может, конечно, восполнить этот пробел, тем более, что в нем нет отсылки к страницам и он крайне невелик. Кроме того, пояснение исторических понятий в нем часто несколько поверхностно и даже неточно (например, «палица», «гридня», на что автору настоящей рецензии приходилось уже неоднократно обращать внимание в печати по поводу других изданий былин<sup>6</sup>).

При пояснении ряда других слов учитывается лишь их диалектное современное значение, притом только в крестьянском быту, а не существовавшее в эпоху сложения былин в древней Руси. Таково объяснение: «Повальша — холодная горница, строящаяся через сени против избы» (стр. 596). К тому же и сказители путают ее с подвалами — «подвальшами глубокими» (стр. 298, 379). Но «повалушу» в древнерусских городах археологи считают частью парадного комплекса развитого феодального жилища, как в домонгольский период, так и в XVI—XVII вв. Она представляла башню, даже трехярусную, иногда расписную и, вероятно, также неотопливаемую.

Этнографические пояснения даны более удовлетворительно, хотя часто не показывают специфику термина; так, «браный» не просто «узорчатый» (стр. 592), а означает особую технику ткачества.

Кроме того, едва ли правомерно обычное деление терминов в словарях к сборникам былин, данное и здесь, на две категории: «областные» и «старинные». В областных диалектах и сохранились многие древнерусские слова; важно другое — проследить, какие из них удерживались в разговорной, живой речи, а какие — только в эпосе, шире — в фольклоре.

К книге даны «нотные приложения» — расшифровки записей на магнитофонную ленту 26 напевов печорских былин, произведенных Ф. В. Соколовым. Эти расшифровки предваряются его небольшой статьей «О напевах печорских былин» (стр. 497—500). В подготовке записей к печати принимали участие Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов. В статье Соколова и соответствующих заметках в комментариях к отдельным текстам содержатся конкретные наблюдения над отличиями напевов по районам, а также в мужском и женском исполнении, даны характеристики отдельных сказителей. Но все это написано большей частью на таком сугубо профессиональном жаргоне, который может только отпугнуть обычного читателя; например: «Нотное приложение XVIII. Расчлененный бесцезурный напев песенного склада с полукадансом на второй ступени звукоряда и заключительным кадансом, построенном (построенным? — Р. Л.) на секундовых оборотах» (стр. 545).

Иллюстраций в сборнике всего семь — исключительно портреты сказителей. Они удачны; в большинстве живо схвачены и поза, и выражение лица. Однако фотоснимки этнографического характера (селений, где проводилась запись, и отдельных жилищ, жанровых сцен, групп односельчан в местных костюмах и пр.) обогатили бы издание. Вероятно, в отступлении от этой хорошей традиции, принятой в последние десятилетия, сыграло роль стремление к экономии места, но едва ли это оправдано.

Заканчивая рецензию, остается еще раз приветствовать выход в свет крайне нужного, полезного, рассчитанного «на века» издания и напомнить, что оно идет в ряду научных публикаций текстов различных жанров фольклора, осуществляемых Сектором народного творчества Института русской литературы АН СССР в последние годы.

Р. Лунец

<sup>6</sup> См. рецензии в журнале «Сов. этнография»: 1952, № 3, стр. 238; 1954, № 4, стр. 166; 1955, № 4, стр. 152.